

**«Лишь только философу, обладающему возвышенным духовным слухом,
дано слышать и осознавать Божественную Музыку Мира...».**

(Интервью с Арамом Энфи *)

Этой цитатой из В.Ф. Одоевского я решила озаглавить интервью, взятое мною у композитора Арама Энфи по случаю его 60-ти летнего юбилея. Знакомство с творчеством и неординарной личностью российского композитора, философа и культуролога Арама Энфи (Арама Суреновича Энфиаджяна), началось у меня с прочтения его статей, опубликованных в авторитетных журналах музыковедческого и музыкально-педагогического профиля. Эти публикации восхищают всесторонней эрудицией и компетентностью автора, поражают смелостью его инновационных подходов к решению актуальных проблем развития современной музыкальной культуры. Помимо «чистого музыкознания», включающего обширные области музыкальной философии, психологии и социологии, теоретические разработки А. Энфи напрямую затрагивают также и фундаментальные мировоззренческие проблемы. Он является автором социолого-ориентированной философской доктрины «Теория Сущностного Кодирования», этико- и эстетико-центрированной психологической дисциплины «Психология сублимации», школы «Арт-гуманитарных практик», кардинально повышающих трансформационную роль искусства в духовном развитии личности... Но прежде всего Арам Энфи известен именно как композитор, весьма успешно работающий в области развиваемого им направления «Симфо-электронная музыка» (СЭМ). Отмеченные высокими наградами нескольких Международных и Всероссийских конкурсов и фестивалей, удостоенные признания профессионалов и снискавшие живой отклик в сердцах любителей музыки, его концептуальные СЭМ-произведения отличаются чрезвычайно глубоким философским содержанием и воистину космической монументальностью формы...

Л. В. Арам Суренович, вам исполняется 60 лет. В искусстве и науке сделано много настоящего ценного и значимого. Но при этом в полный голос о себе вы заявили относительно недавно, уже в том возрасте, когда другие свою «творческую дистанцию» обычно завершают. Можно ли в этом смысле образно назвать вас «творческим стайером»?

А. Э. Точнее будет сказать «марафонцем»... Следуя заветам классиков, я «поспешаю медленно», да и вообще человек я по жизни достаточно «поздний». Не люблю поверхностность, опрометчивость, избегаю верхоглядства, не позволяю себе быть нетерпеливым, неусидчивым... Долгие годы шёл процесс накопления знаний, их тщательная систематизация, ибо «во всём мне хочется дойти до самой сути», докопаться до самых глубин... Постепенно выкристаллизовывались мои мировоззренческие и культурологические концепции, происходил генезис СЭМ, отрабатывались её принципы, вызревала методология её преподавания...

** Размещая интервью с Арамом Энфи к 60-летию со дня его рождения, составители сайта выражают ему свое неизменное уважение, как многогранной творческой личности с тернистой жизненно-творческой стезей, неординарному композитору и оригинальному философу, мыслителю, равнодушному, в частности, и к нынешним реалиям развития культуры, системы музыкального образования в нашей стране.*

Публикация данного интервью не означает, что редакторы сайта разделяют ряд представленных в нем точек зрения. Многие рассуждения юбиляра не оставляют читателя равнодушным, но могут представляться спорными или категорически неприемлемыми. Однако – рождается ли в спорах Истина?..

Уже в 2007 г. «Теория сущностного кодирования» А. Энфи становилась объектом активного общественного обсуждения. См., к примеру, длительное критическое рассмотрение её на 154-х страничках интернет-форума <http://forum.lightray.ru/viewtopic.php?f=19&t=2463>

Л. В. То, к чему вы пришли, требует глубокого погружения не только в обширную гуманитарную сферу, но также и в естественнонаучную, техническую, медицинскую... Как вам это удаётся? Ведь невозможно быть профессионалом во всех отраслях научных знаний сразу.

А. Э. Подобные «скептинки» парируются крылатыми фразами: «профессионалы построили "Титаник", а дилетант – Ноев ковчег», «чем меньше ты знаешь подробностей, тем вернее твоё знание сути». То, чем я занимаюсь, в аспекте сугубо мировоззренческом требует не столько узкопрофессиональных компетенций, сколько способностей иного рода: умения комплексно анализировать, основательно систематизировать и фундаментально обобщать, рассматривая череду различных явлений в их целостности и междисциплинарной соотнесённости со смежными, и даже далёкими научными сферами. Ну и, конечно же, для этого требуется этическая пассионарность, эстетическое чутьё и богатая художественная фантазия...

Л. В. Здесь наверняка работает некая «ризоматическая логика»... Думаю, она находит адекватное отражение как в вашем музыковедческом, так и в композиторском творчестве?

А. Э. Разумеется. Вообще, мейнстрим непрофанного (идушего ещё от Пифагора) музыкознания в той или иной мере использует модель Гвидо Адлера, согласно которой выявление художественно прекрасного в музыке лежит за её пределами. Как известно, к «систематическим» музыковедческим дисциплинам, в противоположность «историческим», Адлер относил исследования, выявляющие высшие законы музыкального искусства в области математики, логики, физиологии... Собственно говоря, именно этой «ризоматикой» я и занимаюсь с опорой в том числе и на опережающие открытия в современном естествознании. А конструктивность такого подхода сегодня уже отчётливо проявилась в цифровой музыке, использующей различные системы кодирования... Дисциплина «информационная эстетика» существует давно, я же развиваю «семиотическую этику», вводя в свои разработки специфичный кластер таких новых понятий как «сущностной психонейроэндокринный статус», «сущностной R-Е нейропроцессинг», «сущностная геномно-гормональная рецепция», «сущностная трансмутация», «матрицы сущностных стандартов», «детектор сущностных ошибок», «код духовного чина»... Что же касается творчества композиторского, то композитор-концептуалист должен быть в высшей степени чуток и восприимчив ко всем прогрессивным идеям и тенденциям своего времени, к каким бы научным сферам они не относились. Наиболее значимая музыка каждой эпохи всегда репрезентативно включена в идеологический контекст, формируемый актуальнейшей для неё мировоззренческой парадигмой, которая может быть представлена какой-либо превалирующей религиозной, мистической или этико-философской доктриной...

Л. В. Как я понимаю, некоторые ваши теоретические разработки имеют характер гипотетический и экспериментальной проверке пока не поддаются? Можно ли на этом основании отнести их в определённой степени к сфере «эзотерики», «мистики» или «экстрасенсорики»?

А. Э. Можно, но только с учётом постулата: «то, что в одном веке считают мистикой, в другом становится научным знанием», и без инспираций а la «лечу от вируса по фотографии вашего компьютера». Просто, в отличие от представителей профанно-материалистической науки, которые, не задаваясь вопросами целеполагания, исследуют лишь «дурную бесконечность» череды причинно-следственных связей видимых явлений, я занимаюсь лоцированием их скрытых «финальных причин». Следует понимать, что сфера применения эксперимента очень ограничена. Ведь, например, «тёмная энергия» и «тёмная материя», из которых на 95% состоит Вселенная, представляют собой абстрактные математические модели, принятые в науке не на основе эмпирических данных, а сугубо умозрительно. Точно также фундаментальными частицами, из которых состоит адрон (субстрат сильных ядерных взаимодействий) являются вполне себе гипотетические «кварки». Проникнуть же в тонкий информационный мир естествознанию удалось лишь в последнее время, хотя это, как и неизбежность появления новых теорий, которые синергетически прочно сплавят воедино «физику и метафизику», светлые научные умы прогнозировали давно. Главное, чтобы подобные теории адекватно описывали наблюдаемые процессы. А мои концепции справляются с этим вполне успешно...

Л. В. Насколько я знаю, в авторитетных профильных научных изданиях опубликованы не только ваши искусствоведческие, но также и серьёзные психолого-философские работы?

А. Э. Да, конечно, в том числе и в изданиях ВАК. Ну а если бы всё тут ограничивалось уровнем «популярной эзотерики», то и обсуждать бы нам было нечего... Перечислю лишь несколько подобных публикаций, названия которых говорят уже сами за себя: «Философские аспекты Теории сущностного кодирования: инновационные стратегии в контексте междисциплинарных исследований», «Семантика Психологии Сублимации: Арт-Гуманитарный аспект», «Методологический концепт Теории Сущностного Кодирования как системный аттрактор Теории Музыки», «Теория сущностного кодирования как этический базис мировоззренческой парадигмы 3-го Тысячелетия», «Sublimation psychology: Essence Coding Theory and Sympho-electronic music as tools for deep psychotherapy in art-humanitarian practice» и т.д.

Л. В. И это при том, что официально вы даже не кандидат наук? Хотя всех ваших трудов, включая несколько монографических, с лихвой бы хватило не на одну докторскую диссертацию. По совокупности же за подобный уникальный вклад присуждают степень «Honoris causa»... Неужели вы не пытались защищать диссертации, сделать научную карьеру? Ведь это, в итоге, сказалось бы и на вашем уязвимом материальном положении бесребреника...

А. Э. Видите ли, я всегда очень дорожил своей свободой, и поэтому на всё имел своё собственное мнение, не зависящее от мнения любых «авторитетов». Большая часть моей жизни прошла в СССР, где научная деятельность могла вестись только на платформе «научного атеизма», который я всегда считал антинаучным. Академическая научная среда в СССР была конъюнктурно-нивелировочной, массово плодящей приспособленцев-иждивенцев, а у меня это вызывало внутреннее отторжение. В постсоветский же период, видя, как профессора-ленинцы лихо мимикрируют под «адептов православия», как вокруг продаётся и покупается всё и вся, включая научные степени, интерес к изыскам академической карьеры у меня и вовсе пропал. Сам же я никогда и ничего продавать даже и не пытался, а все мои творческие проекты были заведомо затратными. Вот поэтому я и предпочитаю позиционировать себя независимым исследователем, придерживающимся установок психологии нонконформизма.

Л. В. А в чём заключена отличительная специфика вашей «Психологии сублимации»?

А. Э. Вообще, психология изначально была призвана стать наукой о душе, но стала псевдонаукой об её отсутствии. А ведь такие корифеи психологии как Уильям Джеймс, пытались обнаружить душу опытным путём... «Обычные психологи» озабочены превращением «ненормальных» людей в «нормальных» путём исправления их «дефектов». Но инверсионный путь достижения истинной нормальности состоит в том, чтобы поставить цель развития человека выше «обычной нормальности». Психиатры, например, знают, что часто единственным видимым отличием гениальности от безумия оказывается творческая продуктивность, и больше ничего... Так вот, Психология сублимации - это психология духовного вознесения (сублимации) к образу и Подобию Божию. Она апеллирует к танатосной энтелехии сущностного бессмертия, а своим основным негэнтропийным инструментом утверждает пассивно-эволюционную этику в её органичной связи с эстетико-сублимационным инсайтом. Особая роль в Психологии сублимации отводится музыке как наиболее универсальному метаязыку интуитивно-провидческого познания Бытия и мистического постижения Сущего...

Л. В. На страницах журнала «Музыка и электроника» и на сайте НССМО я ознакомилась с полемикой между вами и одним из ведущих российских музыковедов, проф. Московской консерватории, д-ром искусствоведения, заслуженным деятелем искусств РФ В.В. Медушевским. Тема этой полемики обозначена так: «Сущностные основы и роль информационно-компьютерных технологий в музыкальном творчестве XXI века». Что вы можете сказать по поводу всей этой полемики в целом, и статьи Медушевского «Смысл и информация» в частности?

А. Э. Ну, во-первых, никакой полемики с В. Медушевским я на самом деле не вёл. В своей статье «Как не стать врагами информационных технологий», не вступая ни с кем в полемику даже рефлексивную, я всего лишь обыграл то название («Как не стать рабами информационных технологий»), под которым был растиражирован в сети – разумеется, с помощью «дьявольских информационных технологий» – соответствующий «бесоборческий» доклад В. Медушевского. Что же касается статьи В. Медушевского «Смысл и информация», в коей автор пытается столкнуть эти две якобы «антагонистичные» категории, то с психоло-

го-философской точки зрения данная статья не выдерживает критики уже по той простой причине, что смысл, включая нонсенсность, является имманентным свойством любой информации, а информация со всей её кодовой алгоритмикой является сингулярным выражением любого смысла. И поэтому противопоставлять смысл информации настолько же абсурдно, насколько бессмысленно отделять возникающую в голове мысль от той совокупности упорядоченных слов, которыми эта мысль формулируется, ибо мысли могут «совершаться» (по Л. Выготскому) лишь только в словах как её атрибутивных информационных агентах, и никак иначе. Пытаясь обосновать мнимую оппозицию «Смысл-Информация», Медушевский ссылается на дихотомию «Дух-Буква», но тут, к сожалению, сказывается ущербность односторонне-гуманитарного мышления, далёкого от субстанциального понимания информации. Универсальные научные умы давно уже пришли к осознанию того факта, что всё в нашем мире, включая и человека с тончайшими нюансами его психики, представляет собой проявленную или непроявленную информацию (в случае с людьми – связанную с их геномно-гормональными кодами и программами). Согласно же герметическому Принципу Соответствия («Как внизу, так и наверху...»), это означает, что абсолютно все процессы в Универсуме - и на земле, и на Небе - происходят посредством тех или иных информационных технологий...

Л. В. Похоже на то, что эпоха «информационной культурологии» выдвинет когорту новых энциклопедистов, обладающих необходимой для масштабной личности «информационной избыточностью»... Но рассмотрим апелляцию Медушевского к авторитету Библии. Возможно, некий глубокий смысл его рассуждений скрыт именно здесь? По видеозаписям видно, что к православной идеологии профессор приобщает даже и своих китайских студентов...

А.Э. Когда в учёной дискуссии не находят веских научных аргументов, начинают ссылаться на Библию. Создаётся видимость обилия информации, но вот смысл её в контексте обсуждаемой тематики – нулевой, поскольку библейские тексты, помимо всего прочего, метафоричны и могут трактоваться по-разному. Наивно приписывать Богу человеческую ограниченность, питая иллюзию относительно того, что некий универсальный и вневременный смысл присущ именно и только православной догматике... Понятие «Дао» уважаемый профессор разъясняет своим китайским студентам посредством «чуждой информационно-кодировочной ереси» православной экзегезы «Святого Духа»? Да, учтивые китайские студенты могут на это вежливо кивать головами, но между собой они наверняка посмеиваются, поскольку представление о мироустройстве в китайской духовной традиции (даосизм, буддизм, конфуцианство) иллюстрируется символикой «Ба Гуа» (системой из 8 информационно-шифровых триграмм) и раскрывается книгой И-цзин (системой из 64 информационно-кодировочных гексаграмм). В семиозисе китайской космогонии Небо создаёт и реализует цифровые технологии, что вовсе не означает, будто цифрой является и само Небо. Точно также аутентичная для всей авраамической традиции (иудаизма, христианства, ислама) «Книга Творения» («Сефер Йецира») выполняет функцию некоего «декодера» в системе онтоинформационного номогенеза. Вот вам и весь мой (по Медушевскому) «Нью Эйдж» пяти-тысячелетней давности...

Л. В. Но, быть может, всё это не так уж и принципиально с точки зрения практического применения информационно-компьютерных технологий именно в музыкальном творчестве?

А.Э. Да в том то всё и дело, что очень даже принципиально! Эффективно раскрученная с помощью цифровых технологий в сети интернет прицельная демонизация этих технологий значимым деятелем музыкальной культуры наносит последней пагубный урон! Посмотрите, например, как мало людей проголосовало за создание Академии цифровой музыки на сайте Российской общественной инициативы, в то время как голосов противников этого весьма актуального начинания там больше! И это ведь объяснимо: какой же православный, начитавшись статей Медушевского, отдаст свой голос за те «дьявольские технологии», которыми некие «бесноватые технократы» оскверняют музыку?... «Но сими дьяволь льстит всячьскими лестями превабляя ны от бога, трубами и гуслими и бубнами! Кармонии - это кощуны бесовския!»: сии апокалиптические страдания Нестора из «Повести временных лет» эпохи кре-

щения Руси, когда никаких информационных технологий ещё и в помине не было, разве не выглядят инвективной пародией на сегодняшнее российское «бесогонство»?

Л. В. Следует ли из всего сказанного, что к православию вы относитесь отрицательно?

А. Э. Нет... Понимаете, любая христианская конфессия, будь то православие, католицизм или какое-либо из многочисленных направлений протестантизма, уже по определению идентифицируется своей ортодоксальной догматикой, что накладывает достаточно жёсткие рамки не только на мировоззрение, но и на культурологический кругозор её апологетов. Кроме того, в любой религии всегда были свои «фарисеи и книжники». А поскольку из всех христианских канонов наиболее консервативным является канон православный, то фарисеи от православия составляют особую касту клириков, реакционно отвергающих всё прогрессивное в сфере культуры. Так, например, в православной литургии наложено строгое табу на использование любой инструментальной музыки, «ибо дерево и металл славить Бога не могут». Единственное исключение - отлитые по особой технологии церковные колокола. И поэтому не удивительно, что развитие инструментальной музыки в государствах, придерживающихся установок Восточной Церкви, сильно отставало от развития оной в странах, следующих предписаниям Церкви Западной. В Симеоновской рукописи XV века читаем: «Что убо, царю, в Латинах доброе увидел еси? Или се есть красота их церковная, еже ударяют в бубны, в трубы же, и в органы, руками пляшуще и ногами топчуще, и многие игры деюще, ими же бесом радость бывает?» Вот поэтому на Руси никогда не существовало и своей школы органной музыки. Ну а сегодня, когда музыка «бесовских кармоний и органов» приобрела уже статус академической, музыковеды от православия, наступая на те же замшелые грабли, принялись демонизировать музыку, созданную с помощью «дьявольских информационных технологий»... Конечно, идеализировать и универсализировать православие в стране, где эта титульная религия всячески поддерживается властью имущими, очень комфортно и выгодно, но для честных, открытых и ответственных учёных не должно быть «Религии выше Истины», да и волновать их должна прежде всего проблема деградации отечественной культуры... Таким образом, отвечая на ваш вопрос, могу сказать, что отрицательно я отношусь не к Православию как таковому, а к фарисейско-буквоедским проявлениям в нём лубочного невежества, деструктивно-сектантской ограниченности, лицемерно-фальшивого обрядоверия, пристрастия к бесконечному анафемствованию и сооружению затхлых «духовных убежищ»...

Л. В. За схожие взгляды был предан анафеме Лев Толстой. Громить будут и вас...

А. Э. Посредственные умы осуждают всё, что превышает их понятия, но когда твоя суть – свет, любая темнота – лишь повод засиять ярче... Фарисеи, отлучившие Толстого от Церкви, на самом деле отлучили себя от русской культуры... А к мелкотравчатой травле мне не привыкать... Так, на мою статью 2003 года «Век электронной музыки» глав. ред. журнала «Звукорежиссёр» А. Вейнценфельд, азартно «играя в одни ворота», массивно обрушил всё, что только мог, но эта его «разгромная» атака рикошетом по нему же самому и ударила.

Л. В. Да, ваша статья «Век электронной музыки» давно уже стала хрестоматийной. Я сама видела в сети массу её перепечаток и обсуждений на форумах... Но давайте всё-таки завершим начатую «религиозную» тематику. Как вы соотносите Искусство, Науку и Религию?

А. Э. Все выдающиеся деятели искусства прошлых веков были людьми глубоко религиозными, ибо творчество художника способно стать действительно масштабным и значимым лишь в том случае, если оно мотивируется и стимулируется Верой во что-то Сверхчеловеческое, Метафизическое, Священное. Но одной только Веры в Высшее для истинного творчества недостаточно. Тут абсолютно необходима ещё и эволюционно-созидательная пассионарность, обусловленная неизбывным теургическим беспокойством и до конца осмысленной нацеленностью на бескорыстную духовную помощь всем людям. Что же касается учёных, то под словами И. Канта «мне пришлось потеснить Знание, чтобы освободить место Вере» подписались бы, наверное, все истинные Светочи мировой науки, подавляющее большинство коих можно уверенно отнести к числу убеждённых креационистов. Не секрет ведь, что многие из них свою научную деятельность совмещали с теологическими изысканиями...

Л. В. А как же тогда известный случай с Лапласом, который «в идее Бога не нуждался»? Выдающиеся учёные иногда ведь встречаются и среди атеистов тоже.

А. Э. Да, я знаю: 99% атеистов портят репутацию оставшемуся 1%... Что же касается Лапласа, то, во-первых, он был не атеистом, а агностиком, а во-вторых, для определения скорости распространения звука в воздухе идея Бога действительно не нужна. Она нужна для открытия фундаментальных законов мироздания. И если дерзнувший на это учёный не находится в поле сил Благодати, то ему обязательно придётся иметь дело с «демоном Лапласа»...

Л. В. Как вы с этих позиций оцениваете состояние отечественной музыкальной науки?

А. Э. Честно говоря, за исключением той небольшой группы подвижников, которая активно участвует в программной деятельности НССМО, российское сообщество музыковедов напоминает мне сонное царство, где давно уже не наблюдается ничего нового и яркого, где царит серость, безликость и ретроградное тяготение к архаике... В такой снобистской среде пышным цветом расцветает компиляторство, эпигонство, рутинёрство... Как учёные, эти деятели абсолютно не самостоятельны, и поэтому без оглядки на «мировых авторитетов» они просто не в состоянии адекватно оценить что-либо необычное у себя под носом, куда «авторитеты» заглянуть ещё не успели... Сей бомонд может десятилетиями в упор не замечать талантливых музыкантов, создающих новые формы музыкальной выразительности, но при этом не переставать восторгаться ничтожными протезе «своячка» или «фирменно» раскрученными «голыми королями». Показательна в этом отношении музыковедческая эпопея с К. Штокхаузеном. О его «гениальной музыке» написано у нас море работ, защищено немереное количество диссертаций, но ведь музыки-то у КШ, как таковой, нет, один сплошной цирк...

Л. В. Столь критично вы относитесь ко всем знаковым пионерам электронной музыки?

А. Э. Нет, конечно. Из этой плеяды настоящим творчеством, а не изобретением различного рода псевдоавангардных симулякров занимался, например, Я. Ксенакис. И в этой связи у него, как известно, были серьёзные идейные разногласия со Штокхаузеном и Кейджем...

Л. В. Судя по выражению «псевдоавангардный», вы отрицательно относитесь к модернизму во всех его проявлениях: не только к Кейджу, но и, например, к Казимиру Малевичу?

А. Э. Вы назвали представителей разных поколений, и, надо полагать, сделали это не случайно... Я считаю, что все по-настоящему революционные открытия в искусстве были совершены представителями довоенного авангарда, к которому принадлежал и К. Малевич, а постмодернисты, бесконечно манипулируя этими открытиями, лишь соревновались в эпатажно-имитационно-симулятивных выходках, напрочь лишённых могучего творческого горения своих «подлинников». Кейдж, тот ведь вообще предложил нам погрузиться в безмолвную нирвану, а Ни-Рвана – это, конечно, хорошо (штопать не надо), но даже если к нам придёт тётя Карма и всех нас утешит, то всё-таки какое это имеет отношение именно к музыке? Сравнить «4'33"» Кейджа с «Чёрным квадратом» Малевича некорректно ещё и потому, что музыка – искусство процессуальное, и если исчезает звуковое действие (окружающий шумовой фон тут не в счёт), то умирает и сама музыка. А вот уже «Чёрный квадрат» есть художественное полотно, латентно содержащее в себе потенции, которые можно выявить, например, средствами мультимедиа... Кстати, очень показательна в этой связи Мультимедийная выставка «Великие модернисты», проходившая в московском центре дизайна «Artplay»...

Л. В. В интервью для журнала «Музыка и электроника» странно было бы не задать вам вопрос, касающийся взаимоотношения музыки электронной и акустической...

А. Э. Начнём с того, что музыканты, много лет проработавшие в области электронной музыки, к музыке акустической относятся с определённой критичностью, поскольку они всегда замечают в ней гораздо больше различного рода изъянов, нежели музыканты традиционные, для которых все подобные огрехи давно уже стали конвенционально приемлемыми. По богатству выразительных средств и возможностей музыка электронная и акустическая сопоставимы, но их взаимоотношение – вопрос отнюдь не одних только эстетических пристрастий, и поэтому рассматриваться он должен в широком мировоззренческом контексте... Непосредственной предшественницей электронной музыки в акустической традиции является музыка органная. Именно грандиозное звучание больших трубных органов эпохи высокого барокко и симфонических органов эпохи высокого романтизма устойчиво ассоциируется с метафорой Храма и символикой Духовного Величия. Но использование «короля инструментов» в храмовой службе стало естественным и органичным ещё и потому, что игра на нём

минимизирует «плотскую» составляющую музицирования. Органная музыка рождается как бы «надземно», и это ощущение усиливает ещё и тот фактор, что движения органиста почти всегда скрыты от слушателя... А тут уже надо отметить, что все «эталонные» регистровочные возможности и сонористические феномены звучания большого духового органа без труда воспроизводятся с помощью электронно-цифровой техники, при том, что для полноценного музицирования на цифровом органе специальное помещение, храмовая акустика которого для любого духового органа безальтернативно выполняет роль его естественного резонатора, по факту не требуется, ибо все реверберационные и другие пространственные эффекты и обработки изначально заложены в самой архитектуре цифровых звуков. Поскольку же духовой орган - инструмент клавишный, то совершенно достоверная имитация его звучания при игре на клавишном синтезаторе не нуждается также и ни в какой исполнительской адаптации, тем более, что необходимый «органный режим» с нужными характеристиками звукоизвлечения можно легко задать в настройках любого профессионального синтезатора. Весь этот дискурс ведётся к тому, что, абсолютно законным образом унаследовав «духовные гены» музыки органной, музыка электронная уходит от «телесности» и «душевности» музыки акустической ещё дальше, вплоть до того, что музыкант-электронщик может даже вообще не соприкоснуться с инструментом, используя в своей работе лишь только виртуально-цифровую студию...

Л. В. Вы часто обращаетесь к понятию «цифровая». Но ведь многие музыканты до сих пор считают, что аналоговое звучание музыки «естественнее» и «правильнее» цифрового...

А. Э. Кодово-цифровые принципы импульсной работы нейронных цепей лежат в основе сенсорного восприятия нашего головного мозга, и поэтому правильными являются именно они. Не зря же сегодня анализом и синтезом слухового пространства-образа занимается сугубо цифровая по своей природе дисциплина «Коммуникативная акустика». Конечно, когда цифровая техника только начинала разрабатываться, аналоговая уже находилась на пике своего развития и воспринималась как «идеальная». Но если вспомнить (по старым фильмам, патефонным пластинкам и т.д.) качество записи музыки в начале её «аналоговой эры», то идеальным покажется даже старт цифровых технологий, а ведь параметры оцифровки звука в современных форматах и стандартах достигли уже столь высокого уровня, что зарегистрировать их дальнейший рост способны лишь высокоточные приборы, но не человеческое ухо.

Л. В. Давайте поговорим немного о проблемах организационного характера. В статье «Век электронной музыки» вы писали о своём намерении создать в России «Центр электронной музыки и мультимедийных технологий». Чем все эти попытки в итоге закончились?

А. Э. Ничем, конечно. Но на материале этих попыток можно теперь писать труды по психологии российского чиновничества. Я очень хорошо ощутил на себе, что подобные инициативы поддерживаются у нас двумя руками: за горло. В лучшем случае с тобой обойдутся по принципу: «я вам каждый день говорю "приходите завтра", а вы всё время приходите сегодня!», и попутно приучат к мысли «не придавайте значения сегодняшним неприятностям: завтра будут новые!» Когда наш доблестный чиновник узнаёт, что ты не из номенклатуры и при этом крамольно не намерен вступать с ним в коррупционные сделки, его задача – отвадить тебя, изжить, утомить, измотать настолько, чтобы у тебя вконец опустились руки и напрочь иссяк весь твой былой энтузиазм. Вот именно это чиновничье жлобство, исторически формирующее кабацкий имидж плебскультуры «немытой России, страны рабов, страны господ», самым отвратительным явлением нашей действительности как раз-таки и является...

Л. В. Это касается только местного уровня? Я знаю, что вы живёте в чрезвычайно стеснённых условиях, и что местная власть ничего для их улучшения не предпринимает...

А. Э. Я с 1984 года проживаю в многострадальных Химках, в одном из эпицентров общероссийских резонансных дел. Уже с 90-х годов пытался что-то здесь организовать. Иду в Администрацию района, говорю: «Я готов бесплатно, на своей аппаратуре обучать молодёжь района электронной музыке. Предоставьте только для этого помещение, потому что у меня экстремальные жилищные условия - малюсенькая комната 8 кв. м. в коммунальной квартире, и больше ничего нет.» Ответы были по сути такие: «а что мы с этого будем иметь?», «найдите спонсоров и приведите их к нам»... Дошло до того, что с меня начали требовать арендную плату по рыночным расценкам за сырое подвальное помещение, которое я ещё и должен был

за свой счёт отремонтировать... Уже 22 года я стою в муниципальной очереди по улучшению жилищных условий, и если бы всё здесь было законно, то хоть что-то можно было организовать на дому, но жилплощадь тут безо всякой очереди получают одни только всевозможные «блатные»... За время моего проживания в Химках здесь одна за другой сменялись проворовавшие администрации, которые щедро обеспечивали самих себя жильём и помещениями. Ну а до Центра электронной музыки тут, разумеется, никому и дела уже никакого не было... Вот такая у нас местная власть, хотя бессовестности хватает и на уровне федеральном. Не забуду, как после долгой канители мне, наконец, назначили приём у чиновника Минкультуры РФ: прихожу, жду, и только через час узнаю, что «шеф уехал на плановое мероприятие»...

Л. В. Эти проблемы носят системный характер и поэтому рассматриваться они должны в широком социальном контексте. Каким вам видится политическое устройство России?

А. Э. Добросовестному деятелю от «*arte liberum naturali*» не этично стоять в стороне и от «искусства возможных компромиссов»: именно потому, что пресловутая «*real politics*» способна влиять на общество лишь косметически, тогда как капитально серьёзные социальные проблемы могут решаться только на уровне сознания выше того, который их породил... Своё видение политического устройства России я изложил в статье «Альтернативная Цивилизация Совести как суверенная идеоматрица российской национальной идентичности»...

Л. В. Очень интересно... А не могли бы вы рассказать об этом чуточку подробнее?

А. Э. Наблюдаемая сегодня в мире эскалация геополитической напряжённости, усугубляющаяся перманентными социэкономическими кризисами, этнокультурными катаклизмами и межконфессиональными конфликтами, являет красноречивое свидетельство полной утраты человечеством надлежащих аксиологических ориентиров высшего духовного порядка. Тотальной девальвации подвергаются все институционально легитимированные ценности и культурные константы современного социума, функционирование которого во многом уже ущербно регулируется порочными механизмами отрицательной селекции. Что же касается конкретно России, то глубинные причины и «тектонические» последствия украинского кризиса, ясно показав «кто есть who» в современном мире, поставили нашу страну перед эпохальными цивилизационными вызовами, адекватное реагирование на которые возможно лишь только с позиции масштабных мировоззренческих обобщений, смелых философских экстраполяций и проницательных экскурсов в сакральные измерения истории и политики...

Л. В. То есть, вы хотите сказать, что государственное устройство со всей его социально-политической сферой должно опираться на какие-то «сакрально-духовные» принципы?

А. Э. На духовно-этико-эстетические. По Гегелю, «только в принципе духа, знающего свою сущность, даны налицо абсолютная возможность и необходимость того, чтобы произошло примирение государства с религиозной совестью и с философским знанием». Согласно же В. Гумбольдту, всемирная история онтологически обусловлена управляющей деятельностью Духовных Сил (ДС), и как научная дисциплина схожа с эстетикой. А из этой ключевой предпосылки логически следует, что состояние общества напрямую зависит от эстетико-духовно-нравственного осмысления его элитами истинных целей, форм и механизмов курирования со стороны ДС процессов эволюционного развития земной цивилизации...

Л. В. И что же в этой связи необходимо предпринимать людям и обществу в целом?

А. Э. Людям и обществу необходимо принять новую мировоззренческую парадигму, в ноосферной концепции которой высшей целью человеческой жизни будет конститутивно признано подлинное духовное развитие в соответствии с фундаментальными законами мироздания, Высший из которых в концепции ТСК дефинирован как Закон Со-Вести. Я разработал программу построения общества на реальных, а не симулятивно-имитационных принципах приоритета духовных ценностей. Речь идёт об учреждении над-политического органа власти, олицетворяющего Совесть государства, и поэтому представленного только нравственно безупречными «пассионариями совести», достоверно идентифицированный код духовного чина (КДЧ) которых соответствует «пророческому уровню». Сам же этот КДЧ определяется на основе сугубо объективных (геномных, гормональных, нейрофизиологических) показателей... Этой проблематике посвящена, в частности, моя статья «Арт-гуманитарный центр как легитиматор институтов меритократии», опубликованная в журнале «Современ-

ные исследования социальных проблем». Да, конечно, столь радикальные преобразования сегодня ещё могут показаться архиутопичными, но в долгосрочной перспективе альтернативы им нет, и никакие профанные социо-политические паллиативы здесь уже не помогут...

Л. В. Всё это действительно интересно и познавательно, но давайте всё-таки вернёмся к музыке... В феврале-марте этого года, после присуждения вам звания Лауреата I премии на Всероссийском конкурсе «Музыка цифр», вы уже повторно одержали триумфальную победу на Международном конкурсе «Медиамузыка», где ваша работа «Substantia» набрала высшие баллы членов весьма авторитетного международного жюри во главе с маэстро Эннио Морриконе. Примечательно, что в заглавной номинации «медиакомпозитор» вы, по меньшей мере, не уступили своему основному сопернику, именитому британскому мэтру Тэндису Дженхатсону, а в придачу ещё и завоевали «Приз зрительских симпатий». То, что вы представили работу мирового класса, признали все, но лично меня особо восхитил тот факт, что на конкурсе «Музыка Цифр» данная работа была позиционирована как вполне самостоятельное музыкальное произведение. Неужели это вами именно так и задумывалось?

А. Э. Да, вместе с видеороликом я отправил на конкурс аудиофайл, который должен был рассматриваться там как совершенно автономное, законченное и цельное по форме музыкальное произведение, коим оно и является, хотя создавалось под уже готовой видеоряд...

Л. В. Эту удивительную «аудиомагию» я ощутила уже и в более ранней вашей озвучке анимационного фильма «Lightheaded», где все как бы «внемузыкальные» акценты, органично вплетаясь в общую музыкальную ткань, также стали её неотъемлемыми элементами, что обеспечило саундтреку полную художественную самостоятельность и независимость от видеоряда. Подобная техника обладает завораживающим эффектом. Как вам такое удаётся!?

А. Э. Тут можно говорить о неких «аудиовизуальных метаморфозах», о слуховой синестезии, а также об особом ритмическом и тембральном слухе, позволяющем цельно воспринять сразу весь мультифонический космос произведения, включая и различные звуковые эффекты, не имеющие, казалось бы, прямого отношения к музыке, но, тем не менее, органично интегрирующиеся в ритмическую, гармоническую, интонационную и тембральную фактуру саундтрека со всеми её «сюжетными водоразделами и разрывами»... Излишне говорить, что в наступившую эпоху мультимедийного синтеза разных видов искусств подобные способности входят в общую структуру компетенций мультитехнолога. А самый эффективный способ развития таких способностей - система обучения по программе СЭМ-концепта, где, помимо всего прочего, преподаются основы Темброведения с такими её новыми понятиями как «сонорный анализ», «сонорная матрица», «кодировочно-цифровая партитура» и т.д.

Л. В. В своей статье «Концепт учебной программы А. Энфи "Симфо-электронная музыка" как "духовный инжектор" российской педагогики искусства» (журнал «Педагогика искусства» №2/2015) я писала о том, что «уникальный во всей мировой музыкально-педагогической практике Концепт учебного курса "Симфо-электронная музыка" должен внедряться в учебные программы российских консерваторий и вузов искусств, безальтернативно обеспечивая нашему электронно-музыкальному образованию непрерывность и завершенность в полноценной системе обучения "школа – колледж – вуз". Но, к сожалению, объективно призванный самой эпохой составить гордость и славу российского художественного образования, он остаётся по большому счёту невостребованным...» Как вы это прокомментируете?

А. Э. Увы, это правда. Я постоянно натываюсь на скепсис, игнорирование и противодействие в данном вопросе даже там, где рассчитывал на солидарность и поддержку. Под сомнение ставится уже само определение СЭМ, причём аргументация здесь основывается на расхожей, но «верной с точностью до наоборот» дефиниции симфонической музыки, как и на других изначально ложных установках. А между тем, музыковедческую корректность понятия СЭМ и валидность его использования в культурологическом дискурсе я доказательно обосновываю во многих своих статьях, научных докладах, публицистических выступлениях.

Л. В. Думаю, что подобная «ползучая реакция» обусловлена ещё и нежеланием наших консервативных профессоров-музыковедов реформировать систему вузовского образования.

А. Э. Конечно... Но скажите мне на милость: как можно грамотно профессионализировать комплексную программу преподавания целостного пакета дисциплин, связанных с элек-

тронной музыкой (ЭМ), ясно и чётко не определив её флагманский жанр, и не сориентировав на него ФГОС ВПО российских музыкальных вузов? Я утверждаю, что СЭМ - это тот «локомотив», который потянет за собой весь «подвижной состав» нашего ЭМ-образования. Но хотя в нынешнем «несцеплённом» состоянии «состав» сей обречён «разъезжаться на любительско-факультативные манёвры», в колёса его магистрального «СЭМ-локомотива» продолжают вставлять шпалы разобранного перед ним пути... А я ведь разработал абсолютно автономную и самодостаточную систему интернет-обучения, которая не требует никаких дополнительных финансовых и прочих затрат... Программа уже «обкатана» и высоко оценена экспертами. Осталось только получить «добро» управленцев... Отвергать же её в условиях острого дефицита квалифицированных преподавателей по подготовке музыкантов новой формации и форсажа общего отставания всей нашей образовательной системы недопустимо.

Л. В. Как вы думаете, почему российские вузы становятся всё менее рейтинговыми?

А. Э. Такие университеты как Гарвард, Кембридж, Оксфорд, Стэнфорд, Беркли, Принстон, Йель остаются самыми престижными и рейтинговыми именно потому, что сохраняют свой статус частных, и различные госчиновники, без которых невозможно и шагу ступить, в жизнь этих заведений просто не вмешиваются. Тамошний образовательный процесс строится только на профессиональной компетентности преподавателей и доверии к ним со стороны руководства университета, обеспечивающего профессорам свободу ведения их авторских курсов в режиме индивидуальных занятий со студентами. Научные степени здесь тоже присваиваются не монопольной Госкомиссией, а «в частном порядке». И всё это «вмещает в себя» английское слово «Privasy», точный эквивалент которого в русском языке отсутствует... Понятно, что такая система являет собой противоположность российской с её громоздким и «тормозным» бюрократическим аппаратом, неповоротливостью, инертностью, косностью...

Л. В. А вот наш министр образования и науки Д. Ливанов грозит даже закрыть большую часть уже существующих негосударственных вузов. Как вы оцениваете эту замашку?

А. Э. «Каждый имеет право налево, но путь, который не ведёт к цели, заводит дальше остальных»... Для создания частных университетов и консерваторий, обладающих свободой действий, в России нет сегодня даже правового поля, а «не пущать» - это манера чисто казарменная, и свидетельствует она не о торжестве разума и справедливости. Правительство не хочет спускать с вузов «государева ока», дабы сохранить неограниченную власть номенклатурных функционеров, «не за так» раздающих преференции. Такое управление образованием не просто ущербно - оно разрушительно, ибо в любой косной системе, лишённой саморегуляции и самообновления на основе механизмов действия обратной связи, постоянно происходят деградационные процессы, которые рано или поздно приводят к срабатыванию закона Паркинсона: «Если что-то может в принципе сломаться, оно обязательно сломается»... Да, конечно, многие наши «вузы» действительно превратились в конторы по продаже липовых дипломов. Но ведь простое и разумное решение этой проблемы лежит на поверхности. Вузам нужно просто обеспечить условия честной и открытой конкуренции за финансовые ресурсы, обязав их при этом отмечаться в наиболее релевантных международных рейтингах, а занимаемую там позицию указывать на выдаваемых ими дипломах. Вот тогда мы и посмотрим: найдутся ли желающие покупать мишурные картонки, изготовленные вузами-аутсайдерами?

Л. В. А ректор Московской консерватории и экс-министр культуры А. Соколов во всех своих интервью утверждает, что МГК «была и есть номер один в мире». Вы в это верите?

А. Э. Ректору и экс-министру Соколову очень хочется, конечно, выдавать желаемое за действительное, но, согласно проводимым сегодня опросам, почти все независимые зарубежные эксперты список лучших музыкальных вузов мира начинают составлять уже не с МГК, а с Royal Academy of Music (London), Juilliard School (New York), Universität für Musik (Wien), Hochschule für Musik (Berlin), Conservatoire national (Paris) и т.д. И это только по абсолютно традиционным направлениям музыкального образования (sic!), об инновационных же, связанных с информационными технологиями, тут даже и речи нет! А ведь сегодня, когда кардинально меняются требования к структуре компетенций музыкантов, в эту же сторону должна разворачиваться и вся образовательная система, ибо если, например, современный

композитор мастерски не использует в своём творчестве музыкально-компьютерные технологии, то на нём, как на значимом художнике-новаторе можно смело ставить жирный крест.

Л. В. И какая же роль этому художнику-новатору отводится в реалиях современности?

А. Э. Мы живём в эпоху этико-эстетического декаданса: в среде, позволяющей выжить только «микроорганизмам *от культуры*», которые, мутируя, становятся всё более резистентными к этике и эстетике... Но это ещё и эпоха идейного прозрения, предвосхищающего могучий Духовный Прорыв... Да, всё происходящее сегодня в мире выглядит пугающим, но если бы «зона комфорта» не разрушалась, то у нас не было бы стимула меняться: страхи из будущего укрощаются стратегией настоящего... И. Фихте провозгласил максиму: «Нет знания без Совести!», где под «Совестью» понимается, вестимо, не «структура психики, формируемая социальной средой», а Канал связи с Высшим миром, посредством которого на земле утверждается этический порядок. На основе же своих психолого-философских разработок я декларирую сегодня другую максиму: «Нет этики без эстетики!»... О том безусловном факте, что музыка, как самое совершенное средство трансцендентного проникновения в область Высшего Космического Порядка, призвана выполнять функции не только эстетические, но и этические, ещё с античных времён знали все светлейшие умы человечества. «Если хочешь узнать, благополучно ли обстоят дела с правлением какой-то страны и здоровы ли её нравы, то прислушайся к её музыке» - говорил Конфуций. «Музыкой можно очищать, а можно возвращать» - учил Аристотель. Но наиболее радикальную мысль на этот счёт высказал Платон: «Никогда не изменится стиль в музыке без последующего переворота в политике.» (!!!) Вот и посудите теперь сами, кто является истинным творцом истории: профанные политики, возомнившие себя вершителями судеб мира, или художники-новаторы, создающие новые стили музыки, основанные на таких духовидческих принципах как «ноэзматическая теургичность»?

Л. В. И последний вопрос. В своих работах вы демонстрируете истинно патриотичную позицию относительно будущего великой русской культуры. Каким вы видите свой вклад в реализацию той высокой Миссии, которой наделяли нашу культуру многие известные люди?

А. Э. С Россией связана вся моя жизнь, я пишу, говорю и думаю на русском языке, и поэтому, конечно же, ощущаю себя представителем русской Метакультуры, призванной воспринимать, творчески синтезировать и облагораживать всё самое ценное также и из других культур. Признавая свою ответственность за будущее нашей культуры, я не приемлю того, что она отдана на откуп бездарным и бессовестным чинушам, на поклон к коим вынуждены ходить талантливые и честные творцы, одни лишь только российскую культуру и представляющие... Во времена ельцинской либеро-демократической эйфории на основе здоровой конституции были приняты действенные федеральные законы. Но в условиях отсутствия гражданского общества, социопривод системы правового регулирования успел уже дать сбой, ибо «нет на свете государства свободнее нашего, которое, наслаждаясь либеральными политическими учреждениями, повинуется вместе с тем малейшему указанию власти». К сожалению, российскому народу, сохранившему в своей массе нерв искренности, доброты и сострадания, часто не хватает свободомыслия, инициативности и бескомпромиссности, чтобы избавить себя от правителей с низким духовным чином. Конечно, на всё есть Суд Божий, но люди с чистой совестью, «собирающие богатство своё не на земле, а на небе», должны ощущать себя вершителями этого Суда, ибо не в силе Бог, а в Правде... По своей глубинной природе мы, россияне, выражены идеациональны. Именно поэтому, пытаясь обрести вселенскую справедливость, мы провели у себя социалистический эксперимент и первыми походили в «шинели коммунизма». Без подобных сверхидей и сверхзадач мы просто чахнем и деградируем. Но закладывание этических максим и социальных гиперконструктов в политические схемы, лишённые мотивов высшего порядка, способно привести лишь к самосакрализации профанной власти, к утрате приоритета норм кодифицированного права перед самодержавным произволом административно-олигархического молоха и, в конечном счёте – к «этике» некодифицированного правления по криминальному кодексу... А в такой ситуации российской культурной элите необходимо проснуться, «затрубить во все колокола» и императивно начать фундаментальную национальную духовную суверенность. Нам нужно решительно стряхнуть с России вампирический морок чиновничьего произвола и провести полное очищение госу-

дарства от скверны разъедающей его системной коррупции. Ибо показать заблудшему человечеству идеациональную альтернативу убогим социал-дарвинистским «идеалам» обывательского общества потребления мы сможем только своим духовно-этическим доминированием и последующим культуртрегерством... Но всего этого не произойдёт до тех пор, пока в обществе не восторжествует сермяжная правда жизни и не перестанет иллюзионировать утеха «тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман»... Преобразить «нашу рашу» в могучую Империю Духа, призванную стать для всего человечества флагманом культурного прогресса и оплотом социальной справедливости сможет только реализация реформаторской стратегемы Большого Первопроходческого Рывка. Переломной же здесь, как мы недавно выяснили, должна послужить инновационная реформа именно в сфере музыкальной... И поэтому абсолютно никакой альтернативы скорейшему внедрению в российское музыкальное образование духовно-ориентированного СЭМ-концепта сегодня уже просто не существует...